

В НОГУ С ВЕКОВОМ

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Контакт с аудиторией не получался. В зале сидели матросы с девушками, слышались шорох, легкое движение. После этого обязательного «мероприятия» — встречи с композитором Кабалевским — матросам были обещаны танцы. Адмирал, одиноко сидевший за столом президента, перед началом выступления посоветовал Дмитрию Борисовичу не очень себя утруждать, «сыграть пару песенок и сказать несколько слов».

К этому все и шло. Зал с любопытством смотрел на композитора, народного артиста СССР — высокого седого человека, говорившего мягким певучим голосом, слушал вежливо, но без особого интереса. Кабалевский понимал, чего от него ждут. Обычно на такие встречи композиторы привозят с собой певцов и устраивают небольшой концерт из своих песен.

Ну, а если основу творчества составляют не песни, а крупные и сложные симфонические произведения и под рукой нет оркестра? Можно, правда, обойтись и фортепиано. Но готов ли слушатель к восприятию таких вещей, и вообще нужно ли в этой аудитории говорить о серьезной музыке и как о ней говорить?

Композитор колебался. Может, и в самом деле пойти по легкому пу-

ти: сыграть и спеть две-три свои наиболее популярные песни и на этом с миром разойтись? И тут же почувствовал, что это будет похоже на капитуляцию. Как он, человек, знающий, что музыка — серьезнейшая вещь, уйдет из зала, скрыв эту истину от людей и не попытавшись объяснить ее? Для кого же, как не для них, этих славных ребят и девочек, пишет он свои оперы, симфонии и концерты?

Решительным шагом подошел к самому краю сцены, остановился и, пристально глядя в притихший зал, сказал:

— Хотите, серьезно поговорим о музыке?

Несколько мгновений было тихо, потом раздались голоса:

— Хотим!

— Давайте!

Он облегченно вздохнул. И заговорил, ничего не упрощая, не ища особых слов, а высказывая их такими, как они лежали на душе. Существо музыки, ее роль в жизни людей, Бах, Моцарт, Бетховен, Чайковский, современные композиторы, борьба течений в океане этого величайшего из искусств, наконец, извечный спор о легкой и серьезной музыке — все это нашло свое место в разговоре. Композитор то и дело подходил к роялю и иллюстрировал свою речь отрывками из произведений.

Зал был захвачен необычной беседой. Адмирал забыл о своих обязанностях председательствующего, сидел, подперев рукой щеку, и тоже слушал, не отрываясь. Потом спохватился, взглянул на часы. Оказалось, что уже прошло около двух часов.

Покидая матросский клуб, Кабалевский мимоходом заглянул в танцевальный зал. Едва он показался на пороге, как тут же был «взят в плен» моряками.

— Дмитрий Борисович, теперь бы надо провести пресс-конференцию.

— Какую пресс-конференцию? — не понял Кабалевский.

— А как же, после доклада предлагается. Есть вопросы.

— Значит, сорвать вам танцы?

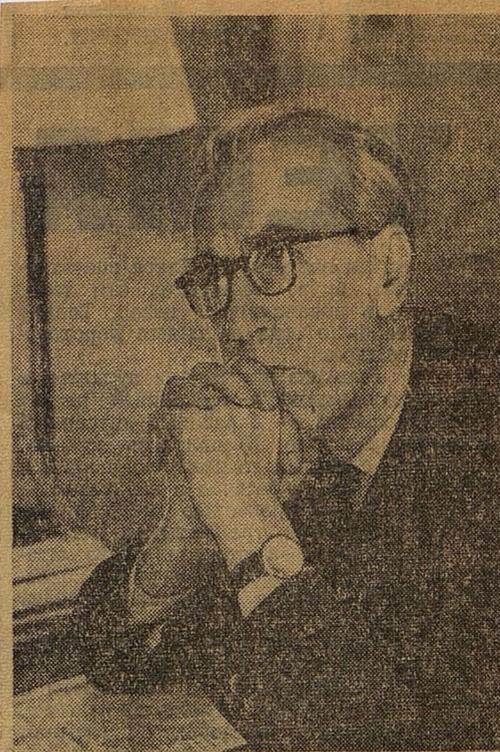
— Ничего, потанцуем в следующий раз.

И танцы действительно не состоялись. Молодежь столпилась около композитора. Посыпались вопросы: «Какое состояние советской оперы?», «Кто такие авангардисты?», «Что сейчас делает Клиберн?».

Прощаясь с Кабалевским уже поздно вечером, адмирал задумчиво сказал:

— Видно, мы здесь чего-то недоучитываем. Как они вас слушали! Какую тягу к серьезной музыке проявили. Наверное, так и нужно говорить с людьми об искусстве — по-настоящему, без скидок.

— Прав был адмирал, — говорит Дмитрий Борисович, вспоминая свое посещение матросского клуба в Севастополе. — Мы порою не

Д. Б. КАБАЛЕВСКИЙ.

знаем тех глубинных процессов, которые происходят в среде нашей молодежи, не предполагаем, насколько серьезны духовные запросы людей. Что греха таить, боимся, что нас не поймут.

Я сижу в кабинете композитора. Развода большими руками, Дмитрий Борисович ходит взад-перед в узком пространстве между софой и роялем, заваленным нотами, книгами газет и журналов.

— После того самого случая мне не раз приходилось выступать перед военной аудиторией. Было это и в больших частях, и в маленьких гарнизонах, далеких от культурных центров, и на кораблях. И всюду слушали рассказ о серьезной музыке и саму музыку с необычайным вниманием.

Я смотрю на рабочий стол композитора, заваленный письмами любителей музыки, и пытаюсь объяснить себе все, что услышал и увидел здесь. Как соединить в одно необыкновенную занятость Дмитрия Борисовича своими делами и необычайную доступность, что личность ко всякому человеку, который обращается к нему с вопросами о музыке. Вопросов этих бездна, и большинство их в компетен-

ции любого рядового музыканта. Но секретарь Союза композиторов СССР, член-корреспондент Академии педагогических наук, профессор консерватории, композитор, постоянно погруженный в творческую работу и концертирующий как исполнитель и дирижер своих произведений по нашей стране и за рубежом, — этот бесконечно загруженный человек не только находит время ответить на все письма, но и завязывает большую, длящуюся годами переписку с любителями музыки — школьниками, рабочими, военнослужащими.

Недавно я прочел воспоминания о выдающемся румынском композиторе Джордже Энеску. Он ездил с циклом концертов по истории мировой скрипичной музыки в самые глухие уголки Румынии, не отрываясь на заманчивые и выгодные приглашения Парижа и

Нью-Йорка. И однажды удивленные собеседники услышали от него: «Если я даже найду здесь одного-единственного слушателя, способного оценить Партиту Баха, то цель моя достигнута».

Борется за каждого слушателя и Кабалевский. Ведь бороться за одного — это значит и за всех. Тот один, оценивший Партиту Баха или «Грезы Шумана, уже не будет спокоен, пока не поделится своим величайшим открытием с соседом, товарищем, другом.

Дмитрий Борисович умеет доходчиво говорить с людьми не только словом, но и своей собственной музыкой. Его жизнерадостное творчество понятно и любимо всеми, кто с ним соприкасался. А встречаясь с музыкой Кабалевского мы начинаем уже с детства. Кто не знает его чудесных песен: «Лешеньку», «Мальчика, мельника и осла», «Наш край» и «Школьные годы»? А его проникновенные молодежные концерты — Скрипичный, Виолончельный и Третий фортепианный, лиричная пионерская кантата «Песня утра, весны и мира».

Но не только молодостью тех, для кого пишет композитор, определяется содержание его произве-

дений. Он молод душой сам, и молодостью духа проникнуто все его творчество. Его веет от опер «Кола Брюньон» и «Семья Тараса», от Четвертой симфонии и романсов на «Сонеты» Шекспира, от песен к радиопостановке «Дон Кихот» и от многих других произведений.

Об этих сочинениях много сказано и написано. Но сегодня меня интересует та сторона его творческой деятельности, которая связана с военной темой. Ее как-то не привыкли выделять музыковеды. На мой вопрос Дмитрий Борисович пожал плечами:

— Военным композитором меня не считают.

— Ну а если вспомнить, сколько вами написано на военно-патристическую тему, смотрите, что получается. Опера «Семья Тараса», сочиненная по мотивам «Непокоренных» Горбатова, опера «Никита Вершинин» — по «Бронепоезду» «14-69» Иванова, сюита «Народные мстители» — о партизанах, музыка к постановкам Центрального театра Советской Армии «Гибель эскадры» Корнейчука и «Мстислав Удалой» Прута, музыка к кинофильмам «Аэроград», «Шорс», военные песни, наконец, «Реквием».

Композитор улыбается:

— В общем, да, как будто что-то набирается.

Ничего себе что-то! Чего стоит один «Реквием». Недавно Кабалевский был удостоен за это произведение премии имени Глинки — Государственной премии РСФСР. Это удивительное сочинение, написанное на прекрасные слова Роберта Рождественского, посвящено памяти героев, бессмертному подвигу советских воинов в Великой Отечественной войне.

Произведение необычно по форме и содержанию. В нем параллельно развиваются две темы, две линии, противоположные по характеру и настроению, — света и печали. С каждой новой частью «Реквиема» углубляется печаль, но следом за ней поднимается все более светло и мужественно тема света. Я вспоминаю одно из первых исполнений «Реквиема», состоявшееся в зале имени Чайковского, высокую фигуру композитора в

(Окончание на 4-й стр.)

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ГЛАВНАЯ ТЕМА

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Черном фраке за дирижерским пультом.

...На тихой глубокой звучности вступает оркестр. Эхом отдаленной годами боли звучат слова хора и солистов: «...Помните! О тех, кто уже не придет никогда, помните!» Снова тихо. И вдруг, преодолевая пласт нелегких воспоминаний, лавиной нарастает звучание оркестра, разрывая эту тишину. Вступает хор: «Вечная слава героям!»

Вот ворвалась в музыку война. Мощно звучит в оркестре «Поступь дивизий». Кажется, слышишь гром тяжелого марша орудий и танков, видишь несметные колонны бронированных машин.

А вот и печаль. «Черный камень». Размерно падают в тишину зала капли, четыре капли — четыре звенящие короткие ноты. Кажется, что они повторяются вечно. Это горестное оцепенение при виде памятника Неизвестному солдату, вопрос, остающийся без ответа: «Кто-ты-сол-дат, кто-ты-сол-дат?» На фоне капели тихо и prominently поет хор:

...Черный камень,
что ж молчишь ты, —
черный камень?..

Разве ты хотел такого?

Разве ты мечтал когда-то

стать надгробьем для могилы

Неизвестного солдата?

И вот, когда наступает кульминация скорби и звучит трагическая песня матери о сыне, который не вернулся с войны, вдруг в зале словно рассеивается глубокий мрак и брызжет лучами солнца. Поют дети. Пылают красные галстуки, летит под сводами звонкая песня. Она звучит клятвой юного поколения павшим, клятвой Родине:

То, что отцы не допели, —

Мы допоем.

То, что отцы не построили, —

Мы построим!

Советский композитор не случайно возвел светлую вершину в тра-

диционно траурном жанре музыки. Этим ярко подчеркивается мысль, что жизнь людей отдана не зря, отдана для того, чтобы жило это юное, свободное и счастливое поколение.

Мы заговорили о «Реквиеме», и Дмитрий Борисович сказал, что рижане завели традицию — исполнять его каждый год в одно и то же время — 9 Мая, в День Победы. Композитор уже трижды ездил дирижировать своим произведением.

— Годы бегут, сколько уж лет, как прошла война, — говорит он задумчиво, — а люди все помнят, и чем дальше, тем, кажется, глубже понимают величие свершенного подвига. И мы, деятели культуры, далеко не все сделали, чтобы увековечить и еще больше прославить подвиг народа. Это наш святой долг, если хотите, первая тема творчества.

Я слышал, что Дмитрий Борисович к 20-летию победы над фашистской Германией по просьбе горловцев написал симфоническую прелюдию для памятника воинам, погибшим при освобождении Горловки. Памятник представляет собой холм, на котором стоит танк, первым ворвавшийся на улицы города. В основании холма установлена мемориальная доска и зажжен Вечный огонь. Вверху холма за круглыми окошками, заделанными чугунной решеткой, спрятаны динамики. Оттуда несколько раз в сутки и звучит прелюдия «Памяти героев Горловки».

Прошу композитора подробнее рассказать об этом произведении. В ответ он достает магнитофон и вставляет в него пленку с записью прелюдии. Мы молча прослушиваем ее, а потом Дмитрий Борисович рассказывает о случае, очевидцем которого он стал.

Был теплый летний день. Гулявшие по скверу люди столпились вокруг холма, который густо порос травой и полевыми цветами. Наступил ожидаемый момент. С вершины холма тонко и хрустально прозвучали позывные — начальные такты мелодии знаменитого «Заповита» Т. Шевченко. И вдруг гулко грянул орудийный залп. Но-

вички вздрогнули. Такое впечатление, будто выстрелил сам танк, чуть покачнувшись назад. Только не было огня да синего порохового дыма.

Еще раз прозвучали куранты, и снова грохнул орудийный раскат оркестра — барабаны, литавры и фортепиано. И полилась музыка, наполненная до краев волнением и скорбью, горестная и величавая.

И тут произошло неожиданное. Мальчишка трех-четырёх лет, до этого смирно стоявший около матери, вдруг бросил ее руку, подбежал к холму и торопливо полез наверх.

Толпа дрогнула, у кого-то вырвался вздох, но все словно оцепенело. Подминая под себя цветы и траву, ребенок карабкался на холм. Скользя и съезжая, он все-таки добрался до интересующего его места, круглого окошка динамика. Попытался заглянуть внутрь, но ничего не вышло — чугунная решетка не пускала. Он потрогал ее руками, недоумевающе покрутил головой, посмотрел на молча стоявших внизу людей, как бы ища совета, но, так и не получив его, начал обратное путешествие.

Музыка все звучала. Вот в кульминации в оркестре раздался три такта из «Реквиема» — «Вечная слава героям», потом вспомнился «Заповит», и, наконец, пришло успокоение...

По моей просьбе Дмитрий Борисович еще раз пускает ленту с записью прелюдии. Она звучит пять минут, но кажется, что проходит всего полторы-две минуты, настолько захватывает своим напряжением это произведение, похожее на один глубокий вздох.

— Вот мы часто говорим о том, что надо постоянно искать связь искусства с жизнью. — композитор крутит в своих длинных «пианистических» пальцах коробку с лентой. — Но порой даже не предполагаем, как глубоки и неожиданны могут быть эти связи. Вот это небольшое происшествие... Какая минута. Никто ведь не шелухнулся... Он вырастет, этот мальчишка, и все поймет. И мы многое еще должны сделать, чтобы в душе его были раз-

бужены высокие человеческие, гражданские чувства, чтобы из него вырос настоящий патриот.

Незаметно разговор переходит к детям. Взгляд композитора теплеет.

Да, дети пользуются особым покровительством Дмитрия Борисовича. Им он отдает большую часть своего времени и сил. Нужны им песни — он их пишет. Нужно помочь разобраться в музыке? Идет к московским школьникам и беседует с ними. Хорошо, что потом эти увлекательные беседы звучат в записи по радио и с грампластинок, делая аудиторию Кабалевского многомиллионной. Дети — будущее нашего общества. Культуру в народ нужно нести, начиная прежде всего с них. В своей прошлой статье «Прекрасное пробуждает доброе», помещенной в журнале «Коммунист», Дмитрий Борисович предложил всю культурно-воспитательную работу в стране вести под девизом: «Станут культурными наши дети — станет культурной вся страна».

Три месяца назад в США состоялась VII Международная конференция, организованная Интернациональным обществом по музыкальному воспитанию (ИСМЕ). Советскую делегацию на ней возглавлял Кабалевский. Дмитрий Борисович вспоминает, с каким глубоким вниманием слушали там доклады советских музыкантов и педагогов. И этот интерес не случаен. То, что произошло за 50 лет в Стране Советов не только в хозяйственном, но и в культурном строительстве, изумляет мир. Общезвестен авторитет нашей исполнительской школы. Представители ее завоевали множество призов на международных музыкальных конкурсах. А советский слушатель? Зарубежные музыканты не раз отмечали его удивительную чуткость и понимание трактовки произведений. И, конечно, признанием выдающихся достижений советских музыкантов и педагогов в эстетическом воспитании можно считать факт, что Кабалевский избран вице-президентом ИСМЕ.

За окном глубокий вечер. Пора уходить. И так уже отобрал у гостеприимного хозяина несколько ценнейших часов времени. Дел в эти дни у него, как и всегда, невпроворот. Надо успеть закончить и открытие первого в стране и в мире детского оперного театра но-

вую оперу «Встреча с чудом». Эта работа — творческий подарок Дмитрия Борисовича к славному юбилею 50-летия Советской власти.

— Завтра я должен сдать на радио беседу о Шестой симфонии Мясковского. С нее начинается цикл передач о симфоническом творчестве советских композиторов. — Дмитрий Борисович берет со стола листок с начатым текстом беседы. — Как бы лучше рассказать слушателям о ней? Ведь это первая советская симфония, написанная вскоре после революции. Она появилась вопреки многим прогнозам музыковедов, говоривших, что традиции симфонизма Бетховена и Чайковского погибли навсегда. Не та, мол, эпоха. А эпоха оказалась именно та. Потом, вы знаете, многих смутил финал произведения. После бурных первых частей вдруг тема скорби. Оправдан ли трагедийный эпизод в финале симфонии, посвященной победе революции? Были большие споры.

Помолчав немного, убежденно сказал:

— А по-моему, оправдан... — Задумался о чем-то своем и будто без видимой связи продолжил: — Я вступил в партию в сороковом году. Но коммунистом в душе стал знаете когда? В дни глубочайшего траура, в Колонном зале, у гроба Ленина. Поняв, за что была отдана эта великая жизнь, нельзя было не стать коммунистом. Так трагедия, а не победа послужила непосредственным источником главного вывода моей жизни, определила мое становление как человека. И не только мое, но и многих тысяч других людей... И в этом смысле финал Шестой симфонии Мясковского глубоко оправдан. Правмерно в дни победы вспоминать о жертвах, принесенных на ее алтарь. Тогда яснее становится ее цена и заслуга тех, кто ее добыл.

Покидая квартиру композитора, я думаю, какая же все-таки главная тема в его творчестве. Детская? Да. Юношеская, молодежная? Да. Военно-патриотическая? Да. Но, пожалуй, хватит перечислять. Все объединяется одним — любовью к Родине, к жизни. А цель самой жизни — создавая прекрасное, творить добро во имя народа, полвека назад свершившего величайшую из революций.

Инженер-майор Г. ПОЖИДАЕВ.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

4 стр. 17 декабря 1966 г.